

ЮНОСТЬ

9 770132 203600

№1/2023

16+

1

Журнал «Юность» 2023

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №01/2023

Редакция журнала «Юность»

2023

Литературно-художественный журнал

Журнал «Юность» №01/2023 / Литературно-художественный журнал — Редакция журнала «Юность», 2023 — (Журнал «Юность» 2023)

«Юность» – советский, затем российский литературно-художественный иллюстрированный журнал для молодёжи. Выходит в Москве с 1955 года. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

© Литературно-художественный
журнал, 2023

© Редакция журнала «Юность», 2023

Содержание

Поэзия	6
Высокая избранность	6
Майка Лунёвская	9
А я запомню...	9
Ольга Надточий	13
И слово, как огонь на языке...	13
Радость удивления	17
Владимир Крюков	18
Проза	22
Варвара Заборцева	22
Береги косу, Варварушка	22
Радоница на острове Кего	24
Светлячки вернутся на север	26
Татьяна Золочевская	28
Дотторе Песте	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Журнал «Юность» № 01/2023

© С. Красаускас. 1962 г.

Поэзия

Высокая избранность О стихах Майки Лунёвской и Ольги Надточий

На прошедших «Липках», Форуме молодых писателей России, который вот уже двадцать два года проводит Фонд Сергея Александровича Филатова, мы с Иваном Шипниговым вели семинар журнала «Юность». Семинар был совмещенным: прозаики, поэты и даже один литературный критик. Всего двенадцать человек.

Из поэтов на страницах журнала вы прочтете двоих – Майку Лунёвскую и Ольгу Надточий. Это поэты одного поколения, даже одного года, но такой разной судьбы – и жизненной, и творческой.

Надточий – в Петербурге. Лунёвская – в селе Березовка 1-я Тамбовской области, недалеко от знаменитого (благодаря Пастернаку) Мучкапа.

Помните?

*Увижу нынче ли опять ее?
До поезда ведь час. Конечно!
Но этот час обьят апатией
Морской, предгромовой, кромешной.*

На первый взгляд, с Петербургом поэту справиться куда труднее, чем с Мучкапом. Здесь – Пастернак, а там – одна из самых существенных частей российской культуры. Преодолеть поэтическую инерцию, вписаться в исторический контекст – все это очень значительные для поэта задачи, которые в Петербурге кажутся сложнее, чем в провинции.

Впрочем, Майке Лунёвской ничуть не легче. Ей, помимо прочего, нужно справляться с главным: выражать самое земли. Дать слово оврагам и балкам, деревням и лесам, народу (простите за это слово) и его истории, воде и небу. Все это болит и требует осмысления.

Это противоречие «город – деревня», конечно, условно, но сам лирический герой Надточий находится вне ландшафта. Он все-таки больше горожанин, сторонний наблюдатель, что нисколько не умаляет его значение и необходимость. Наоборот, это наш современник, вот он, один из нас.

*На речке царство снежной королевы,
Заснеженное скопище зеркал.
Безмолвствует река, пойдешь налево.
Направо повернешь, молчит река.*

Мою Каменную Степь нельзя назвать деревней. Это крупный научный центр, в советское время – один из важнейших по селекции зерновых в Союзе. Но что такое островок в две с половиной тысячи человек среди степных деревень и маленьких железнодорожных станций? Все одно – провинция. Так вот, мы в детстве легко отличали приезжих: они о двух наших водохранилищах, которое мы называем «морями», старым и новым, говорили «речка».

Для Лунёвской этот вопрос тоже один из ключевых: «Но без воды это ведь все равно // речка, река, как же еще назвать?»

*Я прихожу к Ольшанке, сажусь на дно,
воды с него не набрать.
Но без воды, это ведь все равно
речка, река, как же еще назвать?
Так я сижу и жду, что волна пойдет,
вместо нее растет широко полынь.
А река ничего не ждет,
ее берега полны.*

Река Ольшанка – всего 14 километров. И все-таки «*ее берега полны. // Не течением, а травой, не рыбой, а муравьями...*» На самом деле – памятью. Человеческой. Природной. Дать ей слово – что может быть для поэта важнее?

Противоречие «человек – природа» в этом смысле выглядело бы естественнее, чем «город – деревня». Но и оно вполне условно.

Надточий:

*Не люди, нет, но отзвуки людей
Волнуют разыгравшуюся память.
Шаги и голоса, прикосновения,
И шорохи, и скрипы половиц,
И даже скрежет спящего – волнуют —
И приближение автомобиля,
И этот лай, направленный во тьму, —
питают память, и она растет.*

Лунёвская:

*когда придет осенняя вода
готовь посуду
вот ласточки сидят на проводах
печаль повсюду
...
садовый труд как сумма груш и грыж
и труд бумажный
а то что ты со мной не говоришь
уже не важно*

Важно направление взгляда, как сказал бы другой замечательный поэт, Аман Рахметов. И тут, и там – о человеке, через человека и для него. Если Майка говорит «*переизбыток леса*», уже через строку спрашивает сама себя: «*Дальше-то что? Дальше опять Россия...*»

Давно стало общим местом утверждение, что стихи сейчас почти не читают. Все привыкли к тому, что поэтические книги выходят крохотными тиражами, а вечера собирают от силы десятка три-четыре слушателей. Сегодняшние успехи некоторых литераторов, работающих по заказу (не социальному, а государственному), нисколько не опровергают этого.

Я думаю, что поэзия возвращается к самой себе, снова становясь уделом избранных.

Напомню: «Камень» Мандельштама вышел в 1913 году тиражом триста экземпляров. На средства автора! Такой же тираж был и у «Вечера» Ахматовой. Пастернаковский «Близнец в тучах» – и вовсе двести. Да что там говорить: прижизненные тиражи Пушкина не превышали тысячи двухсот экземпляров, а журнал «Современник» выходил тиражом в шестьсот.

Мы не так далеко ушли.

Да, тогда было несоизмеримо меньше грамотных, но и сейчас людей, способных понимать настоящие стихи, никак не больше.

Но главное не в этом: поэт снова свободен!

И непопулярность поэзии – не плата за свободу. Это естественный, нормальный ход вещей. Поэзия – самое элитарное из искусств, но избранным может стать каждый.

Стихи Майки Лунёвской и Ольги Надточий – необходимые компоненты этой высокой избранности. Уверен, в самом ближайшем будущем без этих двух имен будет трудно представить современную картину молодой русскоязычной поэзии.

Василий Нацентов

Майка Лунёвская

Поэтесса. Участвовала в «Липках» и в семинарах Союза писателей Москвы. Стипендиатка Фонда СЭИП (от журналов «Знамя» и «Юность»). Победительница премии «Северная земля». Состоит в ЮРСП. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Москва», «Кольцо “А”», в «Литературной газете», на порталах «Литература», «Полутона», «Формаслов» и др. Живет в селе Березовка 1-я Тамбовской области.

А я запомню...

* * *

Ночью окно открыто, и в палисаднике
слышно, как падают яблоки в барабан,
частое «ц» хай-хэта или цикады,
большая тарелка луны в глубине эстрады,
в качестве духовых выступает комбайн
(всю ночь убирают пшеницу).
В спальне окно открыто, и мне не спится,
яблоня гнется, лето уже в конце.
Никто не пришел на концерт,
но не расстроились музыканты
(делай свое цэ-цэ, как говорят цикады,
делай свое цэ-цэ, кто-нибудь да услышит).
Время стоит в моей комнате и не дышит.

* * *

Медленно,
часть от целого,
падают листья,
как будто за пикселем пиксель
осыпается мир, начиная с леса,
как будто распад победил
с внушительным перевесом.

Чем объяснить такую печаль вначале?
Разве мы смерть до этого не встречали?
Или приняли за свою?
Как ни тянусь до света – не достаю.

Как ни расти, а стеблям лежать в зиме,
в коме, в комке из снега, лицом к семье,
в корни, а то и значит, держись корней,
помни свою печаль, говори о ней.

Но если копнуть поглубже, то это, на самом деле,
никакой не ужас, а память по земледелию.

Лёса будущие дрова
в небе по рукава.
Как долго летит листва.

* * *

Прямо за кладбищем поле, Олышанка, ивы —
видела много раз, до сих пор красиво.

Там же стоит подсолнух и кукуруза,
между ними трава ничья.
Птицы, когда им грустно,
летают, но не кричат.

Влево – асфальт, направо – грунтовка к току.
Сколько я здесь на веле каталась, столько

по сторонам смотрела, понять пыталась,
небо еще ни разу не повторялось.

Дальше еще дорога, она к оврагу.
Иногда там чабан с собакой пасет отару,
иногда прилетают лебеди или гуси.
Собака кидается к велу, но не укусит
и не продолжит дальше за мной погоню.
Кто это все запомнит? А я запомню.

* * *

когда придет осенняя вода
готовь посуду
вот ласточки сидят на проводах
печаль повсюду

вот облако над областью мучкап
не глушь а тише
что музыку садового сверчка
и в доме слышу

еще синап до позднего висит
не то что злаки
а сколько было ночью персеид
лежат в овраге

садовый труд как сумма груш и грыж
и труд бумажный
а то что ты со мной не говоришь
уже не важно

* * *

Я прихожу к Олышанке, сажусь на дно,
воды с него не набрать.
Но без воды это ведь все равно
речка, река, как же еще назвать?
Так я сижу и жду, что волна пойдет,
вместо нее растет широко полынь.
А река ничего не ждет,

ее берега полны.
Не течением, а травой,
не рыбой, а муравьями.
Никогда не была пустой
(пустота не в реке, а в яме
или в том, кто сидит на дне).
Волна говорит волне:
«Не волнуйся.
Река во мне».

* * *

Переизбыток леса, немислима асфиксия.
Никто не окликнет и не предъявит лика.
Дальше-то что? Дальше опять Россия —
красный солдатик, синяя ежевика.
Воздух стоит — мы ноги ему связали.
В деревянных одеждах смиренны братья.
Темные круги под голубыми глазами
неба. По справедливости не поделишь.
И земля, как на вырост платье —
ждет, когда ты его наденешь.

Ольга Надточий

Поэт, прозаик, чтец. Родилась в 1988 году в г. Канске Красноярского края. Сейчас живет в Санкт-Петербурге. Автор двух поэтических книг – «Проверка связи» и «Веский повод». В 2019 году в результате успешного краудфандинга издала сказку в стихах «Волшебный Кракатук». Состоит в Санкт-Петербургском союзе профессиональных литераторов. Участница Форумов молодых писателей «Таврида» и «Липки». Выпускница писательской мастерской Анны Никольской. Стихи публиковались в «Невском альманахе», журналах «После 12» (Кемерово) и «Что есть истина» (Лондон). В 2022 году прошла в лонг-лист Международного литературного конкурса рассказа имени В. Г. Короленко.

И слово, как огонь на языке...

* * *

Пока еще весна владеет сном,
как ремеслом ремесленник владеет,
пока еще та девушка с веслом
стоит и не моргает, не стареет,
и ночь, рассыпав бисер звезд, молчит
о том, что мы вмещаем целый космос,
пока еще мы бодрствуем в ночи,
желая превозмочь тупую косность, —
есть шанс распутать каверзный клубок
судьбы, проникнуть в суть хитросплетений,
открыться и почувствовать, что Бог —
садовник, и себя – его растением.

* * *

Небо легко сочиняет птиц
Черных, безумных, вечных.
Птицы полетом рисуют стих,
Пренебрегая речью.

Листья срываются с языка
Ветра, как мемуары.
Пишет историю дней река,
Плавно владеет даром.

Летопись – это для гор-старух,
Хокку – ромашкам в поле.
Я притаилась, я – взгляд и слух,
Капля всеобщей воли.

Вот человек, чья походка – ключ
К письменности дорожной.
Длинным письмом протянулся луч
Солнечный, осторожный.

Всех соберу, словно вольных птах,
В общий сюжет – стаю.
Пишется мир интересно так,
Что я захлеб читаю.

* * *

На речке царство снежной королевы,
Заснеженное скопище зеркал.
Безмолвствует река, пойдешь налево.
Направо повернешь, молчит река.

Куда ни глянешь, льдины, словно блюда,
Пластами неуклюжими торчат.
На этой кухне я играть не буду,
Но задержу дыхание и взгляд,

Прекрасную картину созерцая,
Запечатлев величия момент,
Пусть он потом из памяти мерцает
Мне маяком на много-много лет.

Я верю, подо льдом река не дремлет,
Обманчива поверхность у реки,
На глубине у рыб обычай древний,
Когда зима, слагать о ней стихи,

Они тихи, смиренны, хладнокровны,
Им безразличны льдины на реке.
Им не в пример, я не умею ровно
Дышать, когда увижу вдалеке

Или вблизи какое-нибудь чудо!
Придет весна, тепло прогонит лед.
И королева снежную посуду
На новое жилище заберет.

* * *

Не люди, нет, но отзвуки людей
Волнуют разыгравшуюся память.
Шаги и голоса, прикосновения,
И шорохи, и скрипы половиц,
И даже скрежет спящего – волнуют —
И приближение автомобиля,
И этот лай, направленный во тьму, —
питают память, и она растет.

Когда-нибудь большая тишина
заговорит. Едва пропустишь это.
Пока же мир трансляцию ведет,
и отзвуки, как музыка, звучат.
Чем глубже, тем отчетливее слышишь
Себя и мир, который – вне себя.

И память выступает словно мост
Между тобой тогдашним и тобой,
которому случиться предстоит.

Сейчас же ты гуляешь по мосту
И камешки бросаешь в реку жизни,
Не понимая толком – для чего,
Поскольку у реки корявый почерк.

* * *

Когда от лета станут воскресать
Слова, которым время – воскресать,
И облака замедлят бег ли, почерк,
От синевы растают облака,

Увидишь мир, согласишься и согласишь,
И удивишься воздуху и свету,
И мальчика заметишь, налегке
Идущего-бредущего по свету,

За ним летят седые мотыльки,
И днем и ночью эти мотыльки
Летят за ним с улыбками святыми,
Ни для чего они за ним летят,
Он их не звал, они за ним летят,
Он их придумал? Нет, они летят
Во сне и наяву, и здесь, и дальше.

Все просто, и светло, и выносимо,
Когда ты с мотыльками налегке.
И слово, как огонь на языке,
И жизнь, и сад, и ветка – это слива.

Радость удивления

Сегодня можно часто слышать: человечество ждет новых смыслов. От кого? Конечно же, в ситуации века XXI – от политиков, ученых, деятелей культуры...

Но не будем забывать о том, что старые вечные смыслы не исчезают бесследно, а работают «на вырост» – в будущее.

Еще в XVIII веке великий немецкий поэт Гельдерлин говорил: «Поэзия есть словесное учреждение бытия». Именно в ней, в поэтическом слове, следует искать и находить самые существенные, основополагающие смыслы, необходимые, как воздух, и отдельному человеку, и человечеству в целом, смыслы художественные, нравственные, исторические...

Говоря языком современного писателя (Александра Мелихова), подлинная задача литературы – дать экзистенциальную защиту читателю от одиночества, тоски, неуверенности в себе, унижений и обид, страха смерти, скепсиса бытия...

Как ни один жанр литературы, подлинная поэзия может это сделать, и делает не только вчера, но и сегодня. В этом убеждают стихи Владимира Крюкова из Томска – глубокие, искренние, самобытные. Он из той породы «русских второстепенных поэтов», в которой Некрасов, как мы знаем из истории отечественной литературы, разглядел далеко не «второстепенного» Тютчева, предсказав в нем поэта первой величины в будущем. А нам преподав урок (хорошо ли его мы усвоили сегодня?): подлинная поэзия не делится на провинциальную и столичную, традиционную (значит – устаревшую) и новаторскую (значит – новомодную).

Русская классическая традиция с ее регулярным стихом, точными рифмой и строфикой, богатством содержательных смыслов свидетельствует и сегодня о том, что далеко не исчерпала своих возможностей: она продолжает развиваться, трансформироваться, обновляться. Выполняя свою главную трудную работу – говорить читателю на своем языке: «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь».

Такая поэзия продолжает нас удивлять: она живет, дышит, учит. И стихи Владимира Крюкова, старые и новые, автора замечательных книг «Белый свет» и «Присутствие», даруют нам эту радость удивления, открывая с новой стороны мир природы, мир чувства и мысли, память – о живых и ушедших, бесконечные закрома культуры (человеческое, слишком человеческое). Оберегая и защищая читателя от искусной фальши мнимых величин, ложных иллюзий, натиска «рекламных шагов» и завитков вокруг пустоты...

И это становится возможным потому, что происходит в подлинно художественном языке. Философ называет это «доверительной беседой мышления с поэзией», и эта беседа «происходит для того, чтобы выявить существо языка с тем, чтобы смертные вновь научились проживать в языке» (Мартин Хайдеггер).

Не этому ли «проживанию» – от стиха к стиху, от книги к книге терпеливо и мудро учит нас современный сибирский поэт – по призванию и способу существования?

Инна Ростовцева

Владимир Крюков

Родился в 1949 году в селе Пудино Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. Работал учителем в сельских школах, в школе колонии строгого режима, сторожем, механиком телевизионного ретранслятора в райцентре, в газете Западно-Сибирского речного пароходства.

Первый сборник стихов – «С открытым окном» (1989). Автор нескольких сборников стихотворений и книг прозы, книги воспоминаний «Заметки о нашем времени». Печатался в столичных и региональных журналах, в русскоязычных альманахах Германии «Пилигрим» и «Эдита», в польском альманахе *Aspekty*. Стихи вошли в антологию «Пламень. Современная русская поэзия» (2009). Член Союза российских писателей.

* * *

Настаивалась и густела зелень
небесная. И гасли облака,
и роза тихо лепесток роняла
со своего колючего ствола.

Шел кот – он возвращался из похода,
и северные серые глаза
смотрели на меня светло и мудро —
он был природной тайне приобщен.

И, глядя на него, я как-то понял
того, кто много-много лет назад
сказал: «Входите тесными вратами»,
они проводят в подлинную жизнь.

Да, это было просто совпадение.
И уподобить моего кота
апостолу я вовсе не хотел бы,
не та повадка, право же, не та.

АВГУСТ. НОЧЬ

Это кров,
под которым – мы.
Это теплая кровь
тьмы.

* * *

Врасплох застигнуты, стога
хорошего не ждут,
на них с утра идут снега,
безудержно идут.

Белы дороги и дома,
И свет сегодня бел.
Так силу пробует зима,
Уверена в себе.

Я прочитал ее следы,
я знал еще вчера
мурашки зябнущей воды
и обреченность трав.

И снег летит с больших небес
на прошлый образ дня,
на строгий и спокойный лес,
забывший про меня.

Как будто снегу на сто лет
в запасе там у них.
В моей тетради на столе
чернеет белый стих.

* * *

*И когда Он снял седьмую печать,
сделалось безмолвие на небе, как бы на
полчаса...*

Откровение Святого Иоанна Богослова

Мне снилось: на голом поле —
ни адом назвать, ни раем,
стоим как статисты, что ли:
не спорим, не выбираем.

Тут всё и без нас решили.
И вот навсегда, навеки,
прощаясь, уходят реки,
бесследно уходят реки
малые и большие.

* * *

Небесная свежесть
Зовется озоном.
Я вижу: и счастье
бывает сезонным,
внезапным и кратким,
как всякое счастье,
рожденное небом,
разбитым на части.
И взгляду просторно,
и не оттого ли
так радует сердце
дыхание воли.
И ветром упругим
к земле припадая,
трепещет душа
навсегда молодая.

* * *

И сердце застилает смутной тенью
не просто беспредметная тоска,
а тщетные попытки обретенья

какого-то другого языка.

Вот так однажды двинешь со двора,
оставив переплеск веселых пятен,
и вдруг поймешь, что твой язык добра
не всеми принят и не всем понятен.

Так оторопь переживет вода,
негаданно наутро обнаружив
накрывшую ее коросту льда
и отменившую весь мир снаружи.

Но терпеливо в ледяной неволе
безмолвная покоится река
до лета, до тепла, до лучшей доли,
как я – до обретенья языка.

Проза

Варвара Заборцева

Родилась в 1999 году в п. Пинега Архангельской области. Студентка Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. Публиковалась в журналах «Звезда», «Юность», «Урал», «Сибирские огни», «Наш современник», «Формаслов». Участник XX, XXI и XXII Форумов молодых писателей России, участник форума молодых писателей России, Казахстана и Киргизии (2021). Участник литературной школы журнала «Юность». Шорт-лист международного конкурса фантастического рассказа «Прыжок над бездной» (2022). Живет в Санкт-Петербурге.

Береги косу, Варварушка

Под нашим угором течет река.

Длинная такая, почти как моя коса.

Только теперь у меня нет косы, а река на месте, все бежит и бежит, не устанет. Я, глупа голова, все оглядываюсь да ищу косу по привычке. Раньше спущусь с угора и дожидаюсь, когда же моя копуша скатится.

Ой, как же косу наш Домовенок любил. Я совсем маленькая была, и коса мала – с меня ростом.

Помню, проснусь, а на подушке бантик меня дожидается. То беленький, то розовенький, даже в мелкий горошек. Каждый праздник я с новым бантиком. Вот какой у нас добрый Домовенок. Мне всегда хотелось тоже его порадовать и хоть разочек увидеть бы. Интересно же, как улыбаются Домовенки.

Дедушка сказал, они больно стеснительные, но я всегда могу зажмурить глаза и представить, как улыбается Домовенок. Главное, говорит, чтобы волосы прибраны были, а то спутает меня с вредными Чердачихами, которые на пыльных чердаках живут, – у них вечно волосы растрепанные.

А в один день дедушка уплыл вниз по нашей реке. И Домовенок куда-то пропал. И бантиков больше не было.

Я этот день хорошо помню.

Мы с дедушкой на реке блинчики пускали. Он у меня мастер – до соседнего берега блинчики выстроятся, будто зверек какой реку перешел. Смотрю, дедушка лодку тащит, а я рада-радехонька, уж больно люблю на лодочке с дедушкой кататься. Берет меня на руки, думаю, на лодку посадит, а он как закинет меня на угор – прямо к нашему дому. Стою высоко на угоре. Ветер свищет, коса во все стороны лягается. Внизу стоит маленький дедушка. В лодку садится и говорит:

– Береги косу, Варварушка. Она ото всех бед тебя сбережет. А если коса не справится, дедушка всегда рядом. Беги в дом.

Мы с косой ох как выросли за это время. Бывает, заскучаю по рыбалке с дедушкой, как брошу косу в реку прямо с угора и жду-дожидаясь. А чем моя коса – не удочка. Все как дедушка делает: брошу и, деловая такая, сижу-дожидаясь рыбу. Только она что-то не клюет, видно, не глупая. Чует, что не дедушкина удочка.

И вот сижу я, рыбачу потихоньку. Дедушку вспоминаю, Домовенка.

Вдруг я все-все поняла. Глупа голова, чего же раньше не догадалась.

Дедушка за Семгой уплыл. Той самой – большашей-пребольшашей Семгой. О ней все на Севере знают. Говорят, живет она там, где наша река с Белым морем встречаются. Конечно, дедушка туда поплыл. Разве меня бабушка отпустит до самого Белого моря, вот он один и отправился.

И с пропажей Домовенка все сразу ясно. Они давнишние друзья, а если друга давно нет дома, разве усидишь на месте.

Вот и я второй день места себе не нахожу. Все думаю, как мне дедушку с Домовенком выручать. Думала, думала – ничего не придумала. Поняла только, что бабушке строго-настрого говорить нельзя. Если замешкаемся на обратном пути – все-таки против течения грести нелегко, – она всяко поймет, что к чему. Догадается, куда и зачем мы отправились.

Только где лодку взять.

Думала, думала и придумала – сама смастерила. У сарая дровяного много досок ненужных. Еще крепкие, хороший плот выйдет. Только перевязать нечем, но и тут я быстро догадалась. Отрезала от косы малюсенький кусочек. Ничего, дедушка даже не заметит, зато обрадуется, когда плот мой увидит. Он и правда ничего такой вышел, палку понадежней взяла – и в путь.

По течению чего не плыть – сиди да чуток направляй.

Наша река и правда длинюшша. А по берегам домики деревянные – лепота какая. Плыву да любуюсь, глупа голова, нет бы дедушку высматривать.

Вдруг вижу впереди – черняшша-пречерняшша туча.

Ливень зарядит, вся вымокну, заболую, а дедушку с Домовенком спасти кто будет. Нет, мокнуть никак нельзя. Думала, думала и придумала – косу расплету. Волосы у меня густяшши – дедушкины. Целый дом получился, никакой дождь в него не попал.

Потом я весь день волосы сушила, а еще день косу заплетала. Три дня плыву – дедушку так и не нашла.

Вдалеке вижу – что-то синее-синее, огромное – моими глазенками никак не охватить. Но если бы я была большашшей-пребольшашшей Семгой, поселилась бы именно там.

Откуда ни возьмись – ветер поднялся. Да так разошелся, спасу нет.

Кидает река мой плот туда-сюда. Моргнуть не успела – палку утащила.

Вот тогда я крепко испугалась. Никогда не видела нашу реку в таком плохом настроении. Я тоже, бывает, дравничаю, но не до такой же степени.

Еще плакать придумала – снова дождь зарядил.

Изо всех сил пытаюсь казаться невозмутимой. Тут главное – виду не показывать, а быстрее отвлечь. А то повадится дравничать да плакать – куда мы потом с такой капризной рекой.

Смотрю – нет, вроде не мерещится – что-то плывет ко мне.

Анделы, это дедушка на Семге сидит. А с ним еще один дедушка, поменьше только. Тянут ко мне руки, тянут – никак не дотянутся. Ветер как дунет – мой плот, бедолага, еле-еле держится.

Думала, думала и придумала – отрезала косу. Из одной доски торчал большашший гвоздь, острявший конец у него – им и отрезала.

Закинула косу к дедушке – и все.

Уснула, видно, от страха. Может, не дедушка был это, и не Семга, а лесорубы на катере возвращались да меня на катер подхватили.

Может, и так.

Но косы моей не было. Ничего, отрастет, это беда разве.

Проснулась я дома. Смотрю – под подушкой бантик синенький.

А ночью дедушка снился. Плывет по Белому морю на большашшей-пребольшашшей Семге, а рядом Домовенок. Тут-то я его и разглядела.

Плывут себе, плывут. И оба улыбаются.

Радоница на острове Кего

Название чудное, но, говорят, исконно северное.

Кего...

Слышалось в крике чаек.

Кего...

Перешептывались на причале.

И вот я уже в толпе. Жду буксир, который идет на Кего.

На Двине всю ледоход.

Смотри-ка, льдины тоже с характером. Упрямые барахтаются, трутся друг о друга, изредка потрескивают. Растерянные упираются в берег, сдавшихся медленно растворяет вода, утягивая на дно. Уцелевшие рано или поздно поддаются течению настырной реки. Но это все так, редкие осколки. Большая часть сразу заняла самое горизонтальное положение и устремилась, куда велела большая вода. Величественное шествие в никуда из ниоткуда.

Май на дворе, а зарядил мелкий град.

Мало льда по сторонам, еще и сверху лупит.

Кего...

Гудок зовет на остров – пора.

За спиной остается Архангельск. До неприличия голый – ни одного зеленого листочка. Только стеклянные новостройки заслоняют его наготу.

Буксир упрямо разрезает лед и уверенно идет на Кего.

Остров проступает сквозь тучи почти земляного цвета. Град и не думает отступать.

Еще издали вижу девочку на пирсе.

Она громко зовет кого-то, радостно оповещая:

– Буксир из города!

Красный капюшон как маяк. Вытаскивает нас на сушу.

Остров подозрительно плоский – как его не затопило в разгар ледохода. Хотя... сколько таких островов в дельте Северной Двины. За каждым не уследишь, каждого не затопишь.

Пока я тут рассуждаю, одна нога уже по колено в воде. Гнилая доска пирса подвела. Ладно, терять нечего. И так сухой нитки нет.

Иду и хлюпаю посреди гробовой тишины.

Куда делись пассажиры, где местные жители.

Передо мной три дороги, если можно так назвать полосы густого грязевого месива. Мысли о сырой хлюпающей ноге улетучивались, предстояло испытание похлеще.

Не каждый день в году встретишь такую грязь. Снег окончательно отступает, и грязь буквально пышет жизнью, бурлит и захватывает улицы. Впитывает все, что таилось под снегом. Даже бедное небо угодило в извилистые ямы, в которых сошлись и вода, и земля, и сама синь, казалось, неуловимого воздуха.

Дорога по центру сманивает меня домиками. Грязь тут же перестает пугать – пугают и завораживают дома. Казалось бы, ничего не может быть темнее этой свежей, очнувшейся земли. Град рябит и рябит в глазах. Из-за него промокшие до черноты дома видятся призрачными, неразрывными с землей – полноправной хозяйкой этих майских дней.

Некоторые крыши поросли зеленым мхом – хотя бы он смутно похож на весну. Изредка вспыхивают веселенькие занавески в цветочек, даже мерещатся силуэты за ними. Заборы – эти еле живые скрещенные вертикали и горизонтали – затягивают вглубь острова Кего.

* * *

Снова девочка в красном капюшоне.

Она заприметила желтые цветы и женщину. Желтые цветы и правда приметны – будто вопреки граду и нулевой отметке выскочили наводить весну.

Женщина оказалась ее мамой. Об этом девочка оповещает весь остров Кего.

Красная и коричневая куртки шагают по небу, вязнущему под сапогами. Лиц не разглядеть – слишком сильно затянуты капюшоны. Зато издали видны руки в черных перчатках, которые слились крепче самых прочных корней.

Мама, дочка и желтые цветы идут уверенно прямо. Я за ними. Они непременно должны знать, где же на острове Кего прячется весна.

И правда – из ниоткуда высыпают цветы. Красные, желтые, даже синие.

Их несут коричневые, а иногда даже светло-бежевые люди, которые собираются в один стройный поток.

Впереди – свет.

Сияет тоненькая деревянная мостовая. Вот она – дорога к весне.

Мерещится ли – целое поле цветов впереди. И как же людно – вот где прячутся жители острова Кего.

Слышен колокольный звон.

Кего-ке-го-ке-го-ке-го-о...

* * *

И тут град рассеялся.

Я стою на кладбище посреди лиц. Они смотрят на меня с памятников и фотографий, из-под капюшонов и зонтиков. Будто спрашивают: что ты здесь делаешь? У меня тоже не было ответа.

Радоница сегодня на острове Кего.

Девочка снимает красный капюшон. Какие же солнечные у нее волосы. Как желтые цветы, которые она заботливо втыкает в землю рядом с фото пожилой женщины.

Проводи меня, девочка. Укажи дорогу назад.

А хочешь, пойдем со мной, пока твоя красная курточка не стала коричневой от дождей и грязи. Я куплю тебе белые туфли. За рекой есть места, где даже можно ходить босиком.

А кораблей, сколько разных кораблей, вовсе не один пыхтящий буксир, который ты бегаешь встречать, наверное, каждый день.

Проводи меня, девочка. Укажи дорогу назад.

Я расскажу о вашем острове.

И кто-то обязательно услышит в крике чаек знакомое —

Кего...

Значит, Кего все-таки существует.

И может быть, даже радуется.

Светлячки вернутся на север

В белые ночи сна не видать.

Хоть глаза зашейте, не спится — и все.

Анделы, как светло — беги да второй раз день проживай. Бабушка говорит, коли хороший день выдался — еще раз ему порадуйся, а ежели худой — поправить можно, чур быть, и не зря прожит будет.

Лежу да ворочаюсь, с боку на бок катаюсь. Казалось, каждое перышко в подушке пересчитала да пересчитала, а сон так и не нашла.

Смотрю в потолок, а на побелке будто день вчерашний проглядывает. В самом центре трещинка — длинная такая — это наша речка. Три раза до нее сбродили, вода еще не прогрелась, но мы с сестрой закаленные, все лето в воде просидели бы. А нет, еще мы ягоды разные любим. Все бочки на огороде вычерпали на клубнику да смородину, ведер сто чехнули не жалеючи, чтобы ягодки скорее поспели. Так уработались, что на потолке грядки мерещатся — большаши, много ягод будет. Пирогов напечем, лепота. Вон, в углу у паутины — будто целый противень пирогов из печи вылезает. Может, съесть что-нибудь, быстрее усну...

Пробираюсь на кухню.

И тут слышу запах — будто сама белая ночь вместе с комарами в открытую форточку прошмыгнула. Как тут не выйти ей навстречу.

Дома, сарай, бани, даже мой любимый магазин, куда завтра привезут мороженое, — все растворилось. Осталась только черемуха. Улица белой черемухи — как ей идет это мягкое небо. Ветки все ближе и ближе. Подхватывают меня, несут к самому небу, на котором нет солнца, но оно, ночное июньское небо, все равно теплое.

Как я люблю кататься на ветках. Все обожают велики, самокаты, а мы с сестрой только и ждем, когда нас подхватят ветки. Одна ветка передаст другой, затем нас подхватит следующее дерево, за ним соседнее. И так понесут — далеко, близко ли, — к лесу, на реку или даже в небо. К облакам часто нельзя, больно они стеснительные, но однажды я все ж разглядела у одного голубые глаза и нос картошкой.

Спускаюсь и вижу внизу еще одно небо. Это наша река. На берегу ни души. Только черемуховая, речкина и моя. Снимаю шлепки и хожу по воде. Наша речка такая тихая, такая гладкая, что я на цыпочках, еле слышно хожу — может, хотя бы наша речка сегодня спит.

Интересно, какие сны снятся нашей речке. Может, она вспоминает детство — у нашей речки все не так, как у нас. Это мы с сестрой делаем черточки на стене под выключателем, чтобы каждое лето смотреть, на сколько мы подросли. Как дорастем до выключателя, значит, совсем большие стали — мне буквально мизинчик остался, а сестре где-то кулачок. А наша речка не растет, наоборот, год от года становится только меньше. Бабушка говорит, раньше по ней корабли ходили. Большаши, с музыкой, танцами и целыми ящиками мороженого. А сейчас — ящиков десять поперек влезет и все, только если паровозиком...

А может, нашей речке снится море, к которому она все бежит, да никак не прибежит. Море Белым называется. Я никогда его не видела, но думаю, оно похоже на большашший-пре-

большашший тазик с водой, сплошь усыпанный лепестками черемухи. Не зря же его Белым назвали.

У меня сна ни в одном глазу, от холодной воды даже зевать перестала.

Сию на траве да травинки разглядываю – рассвет дожидаясь. А травинки оказались совсем не одинаковые – совсем разного зеленого цвета. Это как глаза у моей семьи. Бабушка, мама, я и сестра – у всех глаза зеленые, но совсем не одинаковые. У мамы скорее яблочные, а у бабушки похожи на свежую капусту. Глаза сестры точь-в-точь как леденцы, то ли мятные, то ли арбузные. А свои... свои особо и не рассматривала, говорят, просто – зеленые глаза.

И тут между травинками вижу – что-то светится. Думаю, вдруг рассвет в траве запутался, выручать надо. Пригляделась несколько раз... точно ли... Да, точно – светлячок в траве спит.

Бабушка говорит, если увидишь спящего светлячка в белые ночи, нужно обязательно его разбудить, а то он все лето проспит, а может и совсем не проснуться. Вот почему светлячков на Севере почти нет. Увидеть светлячка – большая редкость, а значит – ответственность. Я не могу подвести бабушку, да и Северу без светлячков совсем худо. Как там... присказка есть:

*Светлячок-светлячок,
Поделись со мной сном,
Полетай над рекой,
Покружи над травой.*

Поглаживаю светлячка да приговариваю. Шепотом приговариваю, речку-то не хочу будить. Спела ему разочек-другой, он и просыпается потихоньку. Глазки вылупил, а я давай их рассматривать. То ли трава отражается в них, то ли он тоже – зеленоглазый немножко.

Долго не думал светлячок, проснулся да полетел над рекой. В волосах моих чутко запутался, но ничего, быстро дорогу нашел, шустрый такой.

*Светлячок-светлячок,
Ночкой не спи,
Летай над рекой,*

Кружи над травой.

Бабушка говорит, если разбудить светлячка, он обязательно тебя выручит в самый нужный момент. Ты уже забудешь, а он все равно прилетит.

Надеюсь, бабушка сейчас спит и не знает, что я посреди ночи бужу светлячка. Конечно, она обрадуется, что я нашла своего светлячка и даже смогла разбудить его, но вначале сто раз повторит, что сильно волновалась, как это делают все приличные бабушки.

* * *

И вот я уже сама бабушка – стукнуло семьдесят, шутка в деле. Светлячка моего я больше не видела, и этому очень радуюсь. Всю жизнь помнила, что у меня есть мой светящийся оберег. И если он пока не прилетел, значит, еще увижу белые ночи.

Татьяна Золочевская

Родилась в г. Выборге. Окончила Педагогический университет имени А. И. Герцена, Институт кино и ТВ в Санкт-Петербурге. Выпускница магистерской программы «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ, училась по обмену в университете Ка'Фоскари в Венеции. Работала редактором, продюсером, ведущей радио и ТВ-программ.

Первые рассказы написала на курсах BAND, Creative Writing School. Публиковалась в сборниках современной прозы «Эксмо» и «Ридеро». Финалист Международного литературного Волошинского конкурса (2018), премии «Московский наблюдатель» (2020), конкурса «Открытая Евразия» (2020). Обозреватель интернет-портала «Rara Avis. Открытая критика».

Дотторе Песте

*Крикнул. Его не слышали,
Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал.*

Н. Гумилев. Венеция. 1913

1

Дождь начался внезапно. Редкие, крупные капли упали на серый уличный камень, и поначалу никто из туристов не обратил на это внимания. Люди все так же глазели на светящиеся витрины, останавливались на горбатых мостиках у каналов сделать фото. Через считанные минуты возгласы, смех, отдаваясь эхом под сводами тесных венецианских улочек, стихли. Послышались глухие хлопки раскрываемых зонтов, возникла суeta: кто-то на кого-то налетел, кто-то вбегал в двери магазинов. Робкая разведка дождя сменилась мелкими частыми зарядами. Воздух отяжелел, налил влагой, на открытых перекрестках повеяло сквознячком.

Двигаясь от *San Marco* к *Rialto*, она плыла вместе со всеми, привычно улавливая обрывки чужестранной речи: певучего итальянского, каркающего немецкого, сонного английского – то

мокнущая под раззадоренным косым обстрелом, то защищенная краем чужого зонта. Свой она не взяла. Все три недели, с момента приезда в Венецию, было солнечно. Итальянский февраль оказался неотличим от русского апреля. Каждое утро в ее узкой десятиметровой комнате на *San Polo* сквозь прикрытые ставни бил в глаза золотой луч. Не имея достаточно места, зажатый деревом, он сочился, полз, ширился, пока она наконец не вскакивала, чтобы распахнуть ставни и выпустить его на свободу.

Вот и *Campo Bartolomeo*. Под навесами облепивших со всех сторон площадь кафешек и баров как ни в чем не бывало сидели люди – за бокалом вина, пиццей. Неожиданно толпа, несущая ее в протоке, расступилась и поредела. Мокрая площадь зарыбила под ногами оцинкованной стиральной доской. Она водрузила на голову рюкзак, спасаясь от неумолкающего дождя. Пробегая мимо Гольдони, приснула: с бронзовой треуголки вода стекала ему на руку, держащую трость. Манжет клевал голубь – и казалось, у трости живой набалдашник, а сам драматург вот-вот ринется по лужам.

Rialto кишел, как муравейник. Рывками она двинулась по невысоким ступенькам наверх, быстро достигла середины моста. Небо и канал сомкнулись, занавесив Венецию серой мятущейся шторой, расшитой по краям шафранной нитью. Дождь усилился, немилосердно стуча по плечам, зонтам, парапетам, словно высказывая наболевшее. Кроссовки чавкали, набравшись воды. С *San Marco* донесся колокольный звон, тревожно и сладко разливаясь в теле.

Шесть вечера. Надо поторопиться. В общежитии, как здесь говорят – студенческом доме, – ужин: она не предупредила, что задержится. Впереди примерно половина пути, если поспешить – можно уложиться и в четверть часа. Вот бы сейчас чая, и сесть у окна – слушать дождь. А лучше на террасе, с кофе! Может, даже сегодня. Одолев мост, она заспешила дальше, на ходу доставая мобильный, чтобы заглядывать в карту города, работающую офлайн.

Миновав пару улиц с витринами, где под козырьками прятались толпы людей, она углубилась в переулки. Натертые до блеска серые камни были светлее неба. Она прибавила шаг, тарашась в полумраке по сторонам. Не пропустить бы желтый указатель *Alla Ferrovia*, ведущий к вокзалу, возле которого она живет. Вперед, вперед, вот и *Coop*, продуктовый, значит, теперь налево. Господи, почему так мрачно, и люди исчезли.

Внезапно она перестала понимать, куда идет. Несколько раз выручавшая ее карта не грузилась. Она встала на приступку дома, вжавшись спиной в стену, брр. Вокруг никого. Барабанные дробы дождя, ледяные пальцы. Венеция поймала ее в каменный мешок, как трофей. Она беспомощно озиралась и не могла припомнить ни одного дома вокруг. Дождь лупил по щекам. Она снова бросилась в узкий проем. Пролетев буквально сто метров, замерла: тупик. Кинулась назад, свернула в другую сторону, следуя интуиции.

Но интуиция подвела. Через пару проемов – страшных, черных, с заколоченными окнами и нежилыми дворами, – она снова остановилась. Венеция, словно прячась от дождя, вывернулась наизнанку и пугала ее. Она схватилась за телефон, набрала подругу – тишина, сигнал не проходит, как это уже бывало здесь, в средневековых лабиринтах. Надо вернуться, начать заново. Снова назад, теперь против дождя и ветра, немилосердно плюющего в лицо. Зажглись фонари, в завесе дождя дающие рассеянный свет. Розовато-блеклые, они повисли мутными опалами отдельно от невидимых в темноте опор. Окна и стены домов влажно засеребрились.

Она вернулась почти к *Rialto*, в знакомый квадрат проходного двора с колодцем посередине, похожим на керамический цветочный горшок. Показался прохожий, бегущий под полиэтиленовым пакетом.

– Эй. – Пока она соображала, что спросить, он промелькнул, словно призрак.

Стало страшно. Чтобы не стоять и что-то делать, она глянула на мобильный и вздрогнула от резкого: «*Поверните направо*». Господи, слава богу. Пошла, вслушиваясь в команды женского электронного голоса. Колокол на *San Marco* отмерил получасье. Ужин, она опоздала. Раскаты грома. Ливень. Спринт по воде. Голос повел другой дорогой: наконец она опознала

белый бок *San Toma* со статуями святых на фронтоне. А рядом еще один студенческий дом: терракотовый фасад, решетчатые ставни. Ей надо – между, и потом левее.

Обрадованная, она припустила, угадывая сквозь пелену воды округлый мостик через канал. Смеясь и держась за руки, мимо нее проскочила пара подростков, накрытых одной курткой. Оказавшись на другом берегу, она подумала: «*Этот город не для детей, венецианцы рождаются взрослыми. Как можно шутить с таким обилием воды. И это еще не acqua alta*». На расстоянии руки темнел канал, тут же стена здания: людям не разойтись, не помешав друг другу.

Вдруг она за что-то запнулась, стукнувшись лодыжкой, и медленно заскользила по илистым ступеням. Темный провал приблизился, вода приветливо замерцала, сердце заглохло. Вот и все... И тут чья-то сильная рука подхватила ее, дернула, поставила на ноги и оттащила от края воды. Ее била дрожь. Кто это? Джинсы, слипшийся атласный плащ, длинный залакированный клюв. Зловещая маска Доктора Чумы, белеющая в темноте. Глаза скрыты мокрыми окулярами, на голове шляпа – капает с полей. Она отшатнулась.

– Решили искупаться? – съязвил незнакомец на чистом русском.

Она промолчала и пошла вперед, стараясь оторваться от незнакомца. Он нагнал, взял под локоть.

– Ну уж нет. Не бойтесь, Дотторе Песте проводит вас. – Подлаживаясь под ее шаг, засеменил рядом.

Она старалась смотреть вперед, но боковым зрением видела клюв, похожий на костяной рог для вина. Дотторе Песте? «Чумной Доктор» по-итальянски? Сумасшедший. Нашел время карнавалить. Они дошли до кондитерской *Tonolo*. Название улицы она забыла, но знала, что минут через десять они окажутся у дверей ее жилья. Они добрались быстрее. Полукруглые высокие окна, затянутые тюлем, светились, сквозь них были видны легкие тени девочек. Дождь, устав бесноваться, почти затих, подсыпая сущую мелочь. Колокол базилики *Frari* возвестил, что уже семь.

Она вырвала руку – ей пора.

– Да что вы такая резкая? Как вас зовут?

– Снимите маску, – шепотом.

– Александр. – Проигнорировав просьбу, он вытащил бумажный платок и подал ей. Поправил плащ, из-под которого выглядывала красная куртка.

Она устало обтерла лицо, пробормотав:

– Ната.

2

После дождя стоял туман. Утро в Венеции, подернутое густой вуалью, тонуло в каналах. Исчезли линия горизонта, очертания домов, колонн, мостиков и людей. Вода и воздух слились, смешались, стали целым, голуби нахохлились и перестали летать. Репетируя карнавал, Венеция нарядилась слепцом и победила до срока гонку на лучший костюм.

Туманная толща воды не давила, а растворяла взгляд, побуждая к тишине и одиночеству. Вязкий, тягучий, таинственный туман захватил город, вполз на улицы и в переулки. Закутывал, заворачивал, скрывал все, чему еще вчера радовался взгляд. От этого зрелища было не оторваться, Венеция болезненно хотела внимания.

Ната сидела на итальянском в аудитории на *Giobbe* и не могла сосредоточиться. Грустно тянуло душу, хотелось бесцельно бродить, сидеть у воды, попивая *Spritz*. Где-то внутри наклеивались, зрели стихи. Путь сюда, в противоположную от центра сторону, который успел ей полюбиться за широту вида на лагуну, сегодня ощущался не законченным. Оказывается, преступление – сидеть на лекциях не в жару, а в такой странный день, влекущий в бледные дали.

Ее звал туман.

Профессор Росси, крупная, статная женщина, требовала от всех, и от студентов по обмену особенно, стопроцентной посещаемости лекций. Сегодня она призналась, что отступила от плана, и начала объяснять «туманную» терминологию. Оказалось, «туман» по-итальянски – *nebbia* или *foschia*, но венецианцы используют слово *caligo*. А устойчивое выражение *filare caligo* означает «кружить в тумане, испытывать неотвязную тоску», от которой трудно избавиться, стряхнуть с себя, как невозможно выключить, отменить венецианский туман.

Росси набрала новые слова у себя в планшете и спроецировала на огромный, как в кино-театре, экран. Говорила она, словно актриса, со сцены – в микрофон. Конечно, учиться в корпусах универа на *Giobbe* было приятно. Современные здания невысокой этажности, соединенные стеклянными переходами, были выполнены в стиле *лофт*. То тут, то там среди однотонной штукатурки обнажалась старинная кирпичная кладка, а многие аудитории, включая эту, убежали вверх ступеньками амфитеатров.

Обычно внимательная и вовлеченная, сегодня Ната сидела на галерке и гуляла в своем тумане. Ее занимали мысли о Глебе, оставшемся в Москве. Скучает ли он, есть ли у них будущее? Глеб, Глебушка... Похоже, она стала одной из его обожательниц. Китаист, умница, лучший на курсе в МГУ, он купался в женском внимании. Глеб не был красавцем, узкие плечи, легкая компьютерная сутулость, но умные цепкие глаза, выдающие интеллектуала, обходительные манеры молодого человека из профессорской семьи делали свое дело.

Для Наты, с самого момента знакомства, он был единственным, и делить его ни с кем не хотелось. Чем она была интересна ему, оставалось неясным, возможно, среди красавиц и умниц она выделялась неискушенностью и простотой. Глеб часто цитировал Сенеку: «*Язык правды прост*». Бросок сюда, в Италию, убивал двух зайцев: она делала вклад в собственное развитие и пыталась дотянуться до стандарта его семьи. Глеб не приехал в Домодедово ее проводить: температурил. Писал сообщения редко и односложно, в основном отвечая на ее вопросы, и она не знала, не потеряет ли его, уехав так далеко и надолго.

Ната потихоньку встала и, пробираясь боком по стеночке, покинула аудиторию. Вышла за ворота здания и попала в старую фотографию – идеально выверенный монохром с едва прорисованным контуром железнодорожного моста, соединяющего узкой перепонкой островную и материковую Венецию. Ощущение нереальности и ускользающей красоты. Белые ночи по-итальянски.

Туман вел ее по *Cannaregio*, и, боясь оступиться, она сначала шла вдоль канала, прижимаясь к домам, а потом вышла на широкую *Strada Nova* и побрела к *Ospedale*. На полпути, не доходя *Spar*, она присела на улице в знакомой кафешке и взяла кофе. Официант из ниоткуда подал наперсточную чашку, и не видная, словно чужая рука интуитивно поднесла ее ко рту. За дальним столиком сидел пожилой венецианец: как в сюрреалистическом кино, он показывал часть лица, прорезанную морщинами, блестел дужкой очков.

Сознательно плутая по каменному лабиринту, Ната тянула перед собой руку, чтобы быть уверенной, что никуда не врежется. В этой части города туристов было в разы меньше. Разлитое в молочном воздухе спокойствие остужало ее беспокойство. Она все думала: «*Глеб, Глебушка, чем ты занят сейчас, здоров ли*». Вспоминалась их первая встреча возле кофейного автомата у них в Вышке, на Мясницкой, в перерыве студенческой конференции: красные прожилки его уставших внимательных глаз, с утра и до вечера изучавших увесистые фолианты, длинные, нескладные руки. Ната уловила, что он голоден, и протянула ему бутерброд. С этого все и пошло.

Раздался пронзительный звук сирены – желтого медицинского катера с надписью *Ambulanza*, – значит, *fondamenta Nuove* уже где-то рядом. Сейчас она дойдет до конца улицы, и справа покажется фешенебельный, на ее вкус, *Combo*, скромно названный хостелом. Ну, где вы видели хостел, открытый в аутентичном, отреставрированном здании монастыря двенадцатого

века: с конференц-залом, внутренним двориком и видовым баром на канал – в десяти минутах ходьбы до *Rialto*? Мысли о Глебе вернулись и закрутились по новой – среди воспоминаний и грез. Вот они в полумраке кино, кажется, это была «Звезда» на Земляном – да, только там круглые столики, и его горячая ладонь, накрывшая ее колено.

Вдруг туман, словно загустев, налип ей на лицо, на руки, обдал влажной свежестью с головы до ног, обернул в мокрый саван, запутал ноги. Ната потеряла равновесие. Снова Венеция ставит подножку, пронеслось в голове. И опять чья-то сильная рука подхватила ее, сдержала с нее мокрое. Она увидела смутно знакомую красную куртку, кто-то низко наклонил к ней лицо, заулыбался. Боже, Дотторе Песте. Снова. Но сегодня без маски.

– Что это было? – удивилась Ната.

Он помахал руками, пытаясь разогнать туманный кисель и что-то показать ей. Она сделала шаг назад и увидела висящие на веревке между домами простыни. В одну из них она и влетела с ходу. Приподняв угол, Дотторе Песте шутливо прикрыл их от возможных зрителей и впился губами в Натаины губы. От неподвижно висящего белья пахнуло лавандой.

Ната дернулась и поддалась.

3

Ната крутилась перед старым трюмо в коридоре, примеряя платье: в *Palazzo alla Zattere* на набережной вечеринка V-A-C'ковского московского фонда, придумавшего проект «ДК». Уже месяц там идут выставки и перформансы, а сегодня ожидается модный музыкальный сейшен, на который она с трудом, через знакомых в Москве, раздобыла проходку.

Она смотрелась в зеркало и хмурила брови: нет, наверное, лучше брюки, платье слишком летнее, тонкая ткань выдает все несовершенства ее крепко сбитого тела. Надо больше ходить, хорошо бы сбросить пару кило к лету. Мелированные, пережженные краской еще в Москве волосы, свисающие вдоль лица с не девичьим, массивным подбородком, склеены в сосульки. Ну, что с ними делать, задумалась Ната, глядя на террасу, где меланхолически покачивались на ветру майки и полотенца.

Студенческий дом – *Domus* – населяло исключительно женское общество, если не брать в расчет Лео и Карло, работающих на кухне. После войны, под присмотром монахинь, здесь находился приют для девушек, попавших в затруднительное положение. Потом в здании жили служащие железной дороги: недаром вокзал *Stazione di Venezia Santa Lucia* совсем рядом. Постепенно ситуация изменилась: в *Domus* стали принимать студенток, и снова только женского пола. Сейчас здесь проживало восемьдесят молодых особ из разных стран мира – от Африки до Франции, – приехавших на учебу в университеты Венеции.

Ната прилетела в субботу, 1 февраля, и в выходные тщетно пыталась сориентироваться в этом новом, фантастическом для нее пространстве. Все время хотелось ущипнуть себя: с ней ли это происходит? Могла ли она, девочка из Приозерска, чудом поступившая на бюджет в Вышку, мечтать об этом? Она ли втащила чемодан в это внушительное четырехэтажное здание, с высокой стойкой ресепшен и толстенным талмудом, в который, по старинке, ее записали как вновь прибывшую?

Однако, едва переступив порог, она ощутила своеобразное пыльное очарование этого места. В дверях комнаты с фортепиано, покрытым самодельной вышитой салфеткой, детскими рисунками на стене, сундуком вместо журнального столика, больше похожей на прихожую обычного дома, чем на лобби, показалась девушка в стильных роговых очках. Широко улыбнувшись, она сказала: – Привет, я Анжела, я говорю по-русски.

И Ната выдохнула, ее английский, несмотря на сданный *IELTS*, был далек от совершенства. Здесь, на месте, выяснилось, что итальянцы предпочитают свой итальянский, а на английском говорят далеко не все. То, что кое-то из местных прилично говорит по-русски, даже не

представляла. Она сразу подружилась с Анжелой, которая помогла ей с заселением и провела по дому, показывая, что где. Нату разместили на четвертом, а Анжела жила на втором этаже. Итальянская подруга изучала русскую литературу, читая в подлиннике Достоевского и Толстого.

Необычный *Domus* имел редкий в Венеции лифт с распашными дверями, просторную учебную комнату с круглым балконом, библиотеку, копировальную, молельню – наследие приюта, зал отдыха с огромным телевизором и кожаным диваном и атмосферную столовую с панорамными окнами, которые использовали как выставочные витрины. Одним крылом *Domus* стоял на оживленной улице *San Polo*, по которой с утра до ночи двигались туристы от *Piazzale Roma* к *San Marco*. И это не говоря о видовой террасе – на Натином, четвертом этаже, размером с однокомнатную квартиру ее бабушки. В стоимость проживания были включены обеды и ужины, и с вечера студентки выбирали блюда на завтрашний день, отмечая их крестиками в меню. Самостоятельно Ната этого сделать не могла, но любая из девочек охотно помогала ей.

Когда Ната впервые пришла на ужин, ей показалось, она попала на съемки фильма, действие которого происходит в монастырской трапезной. За длинными столами, стоящими в несколько рядов, в большом зале с пятиметровыми потолками, где на колонне висела деревянная икона Спасителя, сидели и ели девушки, очень много девушек. Ната на секунду замешкалась с подносом, высматривая Анжелу и не зная, куда сесть.

В первом ряду она увидела настоящую монахиню: черная сутана, белый накрахмаленный апостольник. На ее груди висел крест, и она, как все, невозмутимо ела пасту. Менеджер *Domus* Сара, сидевшая рядом с ней, приветливо махнула рукой: давай к нам. Ната инстинктивно поклонилась монахине и присела с краешку. Она начала задумчиво есть, думая, что для полноты картины им всем не хватает только форменных платьев воспитанниц монастыря.

Сначала она немного смущалась, не зная, как себя вести, но постепенно познакомилась с девочками, если что-то не понимала – выручала Анжела. Комьюнити *Domus* было совсем не похоже на общежитие в Москве. Там, несмотря на новый ремонт, двухъярусные кровати и общий холодильник, каждый был сам по себе. Здесь же все делали сообща: дежурили, пили после обеда кофе, занимались йогой, снимали на террасе ролики для «Тик-Тока» и даже стирали.

После примерки платья Ната убрала его в шкаф и раздобыла утюг, чтобы погладить блузку. Справившись, повесила ее на стул и забралась с ногами на кровать, написала Глебу по ватсапу в Москву: «Скучаю. Как ты?» Глеб никогда не отвечал сразу. Прошло уже две недели, а они почти не общались. Ната с головой погрузилась в новую жизнь, испытывая состояние постоянной *аллегри*, присущей итальянскому темпераменту. Она много смеялась, всему удивлялась и с удовольствием вошла в новый расслабленный ритм, свойственный венецианцам. Но теперь ей сделалось совестно за невнимание к Глебу.

Она прилегла на кровать, ожидая ответ и разглядывая окна дома напротив, стоящего рядом. В одном за столом сидели мама с дочкой и что-то перебирали руками. В другом мужчина в красной майке крутил педали велотренажера, время от времени попивая воду. Ниже шли ряды окон с закрытыми ставнями: хозяев не было дома.

Мобильный молчал, и Ната задремала. Ей снился Глеб. Он стоял вполоборота в пестрящей корешками книг домашней библиотеке. Сняв один том, раскрыл его, сел в кресло. Мелкий шрифт было не разобрать, но на иллюстрации красовалась она – в объятиях другого мужчины. Глеб вырвал страницу и зло смял – тут Ната проснулась от стука в дверь.

– Что делаешь? – На пороге стояла Анжела с тазом в руке.

Она не знала про Глеба, и Ната промолчала о сне, неопределенно мотнув головой.

– Пошли стирать, пока свободна машинка. У меня мало.

Ната порылась в вещах и выудила грязные носки и футболки. Они спустились в полуподвал и сообща загрузили машинку, бросив внутрь пузатые квадратики геля вместо стирального

порошка. После них высушенное на балконе белье изумительно пахло. Ната вернулась в комнату, думая о Глебе: а может, он позвонит и удастся поговорить? Он не отвечал, зато пришло сообщение от Светы, с которой она познакомилась на лекциях по итальянскому языку. Света прилетела на учебу из Питера и поселилась на острове *Giudecca* – в одной остановке на вапоретто от набережной *Zattere*, куда они собирались на вечеринку. «Натка, смотрела почти? С понедельника халява. *Ca' Foscari* переходит на онлайн. КОРОНАВИРУС! Просят не выходить. А вечеринка? Жона!!!»

«Да ты что, Света? Не может быть! А я ничего не знаю». Встревоженная Ната оказалась у машинки первой и стала доставать вещи, которые переплелись и тянулись наружу толстой косой. Когда она втащила таз в лифт, туда заскочила Анжела:

– Как тебе новости? Я в шоке. У деда ковид, а вся родня навещала его в доме престарелых. Дома в Ломбардии болеют через одного.

Развесив на террасе белье, они звонили Свете, родителям Наты и Анжелы, обсуждали услышанное и проговорили до самых сумерек. Глеб все так же молчал. Ната, не выдержав, написала снова: «Глеб, как ты? Поправился?» Ответа не было. А если и у него «корона»? Нет, только не Глеб. Она вернулась в комнату, подобрала с пола упавшую блузку и повесила ее в шкаф.

На вечеринку они не пошли.

4

В суматохе приезда Ната пропустила начало *Carnevale di Venezia – 2020*. Открытие карнавала прошло на воде, на канале *Rio di Cannaregio* – возле университетского корпуса *Giobbe* – вечером, восьмого. Зная, что соберется многотысячная толпа туристов и занимать удобное место следует за несколько часов, Ната туда не пошла и занялась материалами к курсу истории итальянской культуры и литературы. Профессор Бруно, рассказывающий о ключевых фигурах Италии, известных на весь мир, разбил студентов на группы и поручил подготовить презентации. Ната, объединившись с китайцами и немкой, выбрала Лоренцо да Понте, либреттиста Моцарта.

В воскресенье, когда водная карнавальная процессия отправилась от *Punta della Dogana*, они со Светой прибыли на *Lido*. Как только вапоретто ткнулось носом о пристань Санта-Мария-Элизабет и симпатичный матрос ловко набросил на металлический столбик удавы кольца швартовых, Ната заволновалась.

В лицо дул крепкий, занозистый ветер, забираясь под воротник, рукава, джинсы. Обманутые вечным венецианским солнцем, они не учли, что у *Lido* свой характер, и остров тут же напомнил, что еще февраль. Первое, что бросалось в глаза, от чего они уже отвыкли, – транспорт. Автомобили, автобусы, велосипеды наводняли улицу, возвращая их в привычный мир. Не имея плана, они пересекли оживленный перекресток и пошли по широкой аллее, ведущей к пляжу. Среди отелей, магазинчиков и вилл, изрядно потрепанных временем и ветрами.

Длинный и узкий остров-сосед был сплошь зеленым – весь в дрожащих узорах тени, в отличие от Венеции, скрывающей в своих недрах лишь несколько небольших скверов. Исключая разве что сад *Giardini della Biennale* в районе *Castello*, большой и привольный, известный редкими видами деревьев и трав. Не спеша, минут за пятнадцать, они пересекли *Lido* в ширину, успев подмерзнуть. «Зачем я надела короткие носки», – подумала Ната. Щиколотки горели от холода. Уставшие от тревожных новостей и учебной недели, дорогой они не разговаривали.

– А давай каждые выходные – новый остров! Махнем на *Burano*? – очнулась Света, когда они подошли к центральным воротам пляжа.

Неказистые постройки на входе, где располагались кафе и касса, напоминали неухоженные строения родного юга. Перпендикулярно им, вдоль проезжей части, тянулись шеренги кустарников и деревьев, в жару отлично спасающих от солнца.

– А если остров *Poveglia*, слышала? Туда свозили чумных... и ставили эксперименты – в психиатрической клинике. С тех пор их души блуждают по острову. Но вроде бы туда не попасть, – отвечала Ната.

Но Света уже не слышала: она выбежала на простор, взметая пятками на бегу песок, и закружилась по пляжу.

Ната осмотрелась – пляжная полоса вольготно раскинулась в стороны, лишь изредка выбрасывая в воду пальцы волнорезов. Мерцающее, переливчатое – синее море пенилось у берега шипучей, газированной волной. Ната пошла к нему, вслушиваясь в сдержанный голос прибоя. Девушки постояли, запрокинув вверх подбородки и подставив лица порывам ветра. Холодно! Ната потеряла ладошки и побежала вдоль моря. Света за ней. Безлюдно, только крошечные фигурки людей впереди прыгают перед глазами.

Они вскоре устали и, чуть задышавшись, остановились у груды камней. На перекинутых кем-то дощечках устроились на пикник. Есть пришлось быстро: ветер, дующий сразу во всех направлениях, не стеснялся и мешал наслаждаться. Они запили вином пухлые сэндвичи с прошутто и рукколой, а чипсы прихватили с собой. Хватая их жирными пальцами, как голодные чайки, опустошили пакетик, который тут же вырвался из рук.

Чуть опьянев от вина и бриза, молча побрели по берегу. Песок, усеянный ракушками, влажно хрустел под ногами. Справа тянулся широкий песчаный вал, за ним симпатичные деревянные домики, покрашенные белой краской. Их было много, они стояли сказочно ровными рядами, тесно прижавшись друг к другу. Не здесь ли встретились Ашенбах и Тадзио у Висконти? Света, словно подслушав Натю, спросила:

– Заметила, мы прошли *Grand Hotel des bains*, из «Смерти в Венеции»?

– Вон тот, с часами? Выглядит заброшенным, – обернулась Ната.

Старая громада отеля с заколоченными окнами, огороженная забором, возвышалась сразу за пляжем. Пробежала парочка бегунов с голыми сиамскими ногами, даже смотреть на которые было зябко, с ритмично болтающимися проводами наушников. Беспечно поблескивая вдали, ближе к берегу, море тревожилось седыми бурунами. Возле гладкого волнореза, зажатого по бокам хаотично лежащими камнями, вода пенисто разбивалась, закручиваясь вверх хвостами невидимых дворняжек.

Подруги дошли до белого Дворца кинофестивалей, фасад которого был завешан зеленой строительной сеткой, а территория обнесена лентой: шла реконструкция. Девушки разочарованно переглянулись: оказывается, «Венецианских львов» раздавали в обычном здании, похожем на трехзвездочный отель. Частокол пустых флажтоков вхолостую колол небо, не доставая до сахарной ваты облаков. Они обошли здание вокруг и увидели видовую площадку: перед ними плескалось море, разлинованное тонкими прутиками забора. По линии горизонта скользил лайнер внушительных размеров. Рыжую мелкую плитку, состоящую из сколотых квадратов, тоже следовало подновить.

Они прямо здесь допили вино, чокаясь пластиковыми бокалами, как обиженные фанаты кино, которых не пустили в зал. Тут на Свету что-то нашло. Кривляющейся походкой, виляя бедрами, она стала ходить по площадке, изображая кинозвезд. Ната, сначала беззвучно смеявшаяся, расхохоталась в голос, когда Света повязала на голову шарф чалмой и, уморительно вскидывая руками, стала бросать на ходу реплики капризным, изломанным голосом. Ната стала изображать фотографа-папарацци, щелкая ее выходы. Подруги совсем разошлись и какое-то время от души дурачились и потешались.

Мимо проехал рейсовый автобус, они перебежали улицу и, взлохмаченные, пошли в сторону причала, обсуждая попадающиеся на глаза виллы. В пышных кустах растительности пря-

тались калитки, через которые проглядывали таинственные дорожки. Интересно было гадать, кто и почему там живет. Поравнявшись с Гранд-отелем, Ната остановилась. – Смотри, дыра. Давай глянем, как там внутри.

Где там плел любовные сети Ашенбах?

Посмотрев по сторонам, подружки юркнули в разлом, заслонив его сорвавшейся с гвоздя доской. Полное запустение бывшего величия оказалось обманчивым. К парадному входу вела красная ковровая дорожка, потемневшая от влаги. По краям стояли узкие короба как будто бы недавно высаженных в черную землю магнолий с толстыми, мясистыми листьями. Подружки беспокойно оглянулись – высокий забор надежно скрывал их присутствие. «Вот это да», – ахнули одновременно.

Они пошли по дорожке, хлюпающей под ногами, к центральному входу с массивными колоннами. Ната, не веря глазам, погуглила. Оказалось, на Венецианском кинофестивале в прошлом, девятнадцатом году здание частично работало. Просторный холл со знаменитым морским видом привели в порядок и использовали как выставочный зал. Сейчас входные двери были закрыты, и, опасаясь возможных камер, которых не было видно, подружки не стали рваться. Хотя искушение было велико.

Они решили обойти отель по периметру и от греха подальше ретироваться. Неизвестно откуда, в памяти Наты всплыли фразы из фильма: *«Изумительное начало сезона. Только небольшой сирокко»*, вкрадчиво звучащие на фоне протяжной симфонии Малера. Они не стали подниматься по ступенькам на открытую площадку перед входом, а пошли направо. Одинаковые окна с маленькими балкончиками, на один из которых, видимо, и выходил Ашенбах, были закрыты ставнями. Бок отеля имел высокие, в три этажа, глухие проемы – как раз там, где была выставка.

Света ненадолго отлучилась. Ната, задирая голову, тихо обходила громаду, несколько подавленная увиденным. Жизнеспособное, реанимированное основание отеля высилось безжизненными этажами, гниющими у всех на виду. Вокруг отеля буйствовала южная растительность, и Ната испуганно оглянулась. Ей показалось, кто-то смотрит на нее сквозь листву. Где Света? Стараясь не поддаваться панике, она вышла на лужайку с высокой травой и стала разглядывать противоположный главному вид.

Каменная кладка в один этаж, мощная балюстрада смотровой площадки, каменные вазы, колонны. Кто-то настойчиво буравит взглядом между лопатками. Что ему надо? Обернуться страшно. Может, это Света из укромного места? Позвать бы ее, но голос прилип к горлу. И снова из кино: *«Мы зарезервировали для вас лучший номер... Неужели вы действительно верите в красоту как в результат работы?»* Она и не предполагала в себе такую память на цитаты, хотя фильм пересматривала совсем недавно в Москве, до отъезда.

Ната буквально заставила себя пойти, выудив из кармана мобильный, чтобы набрать Свету. Огибая здание и тыкая в кнопки, она приподняла голову и среди желтых махровых цветков раскидистого дерева увидела мелькнувший лакированный проблеск. Дотторе Песте? Не может быть. Откуда он здесь? *«Художник подобен охотнику, целящемуся в темноте... Нельзя потрогать души... Сирокко дует три дня...»* Господи, Висконти, замолчи! Ната припустила, руки царапали иглы каких-то кустов.

Чего она боится? Или кого? Зажатый в руке мобильный бесполезно кричал Светиным голосом. Ната забыла, что отключила звук. Эта сторона здания была заросшей, старый сад подступал к стене, и в рябящих просветах ветвей ей чудился настигающий ее белый клюв. Ната почти бежала, от страха прижмуривав веки. Вот она выскочила на открытое место перед красной дорожкой. Сердце выскакивало из груди. Светы нет. С моря налетел ветер, сдувая выступившие на лбу капли пота.

Она подняла мобильный, мигающей включенным экраном:

– Ну, ты где? Я кричу-кричу, не отвечаешь. Замерзла, жду у дыры. Пошли.

Ната что-то ответила, глядя на ползущую по красной дорожке газету. Ворошась на ветру картинками карнавала, она замерла на заголовке: «*Il Gioco, l'Amore e la Follia. Game, Love and Folly*» («Игра, любовь и безумие – тема карнавала – 2020»).

Откуда взялась эта газета?

5

Ната резко подняла чашку с подставки, и лежащая там горстка изюма, взметнувшись салютом, беспомощно разлетелась по полу. «Господи, вот безрукая, – раздосадовалась Ната. – Или нервничаю?»

Неделя без учебы прошла странно. Учебный отдел *Ca'Foscari* сыпал письмами, в мягких формулировках вводя запрет на перемещения по стране и за ее пределами. 7 февраля в Риме впервые заболел итальянец, вернувшийся из Китая. Первые случаи заболевания китайцев в Италии были отмечены еще 31 января, после чего авиасообщение с Китаем прекратили. Однако студенты, обрадовавшись неожиданным каникулам, и не думали сидеть дома.

Кто-то улетел в Париж, кто-то в Мюнхен. В «Фейсбуке»¹ встречались посты с чемпионата Италии по футболу с фотографиями студентов-болельщиков на трибунах Милана. *Domus* забеспокоился разговорами, перезвонами, недоумением, расшатался навязчивым просмотром новостей. Ната и Анжела оставались в Венеции. Никто из родни итальянской подруги, навещавшей дедушку в доме престарелых, не заболел. Анжела хотела вернуться домой, но родители просили ее оставаться в *Domus* – из соображений безопасности, цифры по заболевшим в Ломбардии были значительно выше.

В первый же день вынужденного простоя в учебе, выйдя на улицу, Ната встретила Александра, невозмутимо сидящего напротив входа в *Domus*, в кафе. Никак не приветствуя ее и ничего не говоря, он жестом пригласить ее сесть, взял кофе и круассаны. Они перебрались парой фраз, и начался их безмолвный, тягучий роман. Или продолжился? Если считать тот поцелуй точкой отсчета. Растерянная Ната каждый день задавала ему вопрос: «Не улетаешь?» Александр отрицательно качал головой, Ната успокаивалась: «И я».

Ее подмывало спросить про *Lido*, но все время было не к слову. Да и зачем ему следить за ней? Видимо, показалось. Тем более что почти все время они молчали. Молчание не было ни пустым, ни гнетущим. Напротив – они молчали как два заговорщика, точно знающие, что слова ни к чему. Они все испортят. Они договаривались о месте встрече – никто не опаздывал – и начинали кружить по мостам и переулкам, площадям и каналам. Витиеватые маршруты не повторялись, а концентрат венецианских красот зашкаливал, доводя их до чувственного предела. Иногда Ната открывала рот, желая что-то спросить, но, встречаясь взглядом с Александром, передумывала, читала по глазам – нет. Или да. Полутона были не нужны.

Иногда, пригибаясь под низкими проемами в тупиковых кале, безлюдных местах, он словно случайно касался губами ее виска или затылка. Ната, забывая, что они на улице, инстинктивно замедлялась, вслушивалась в себя – с ужасом ощущая, что ждет еще. Что настоящий диалог, возможный между ними – там, впереди, за невидимой чертой. Александр не напрягал, не торопил, не навязывал – просто был рядом. И ей хотелось идти рядом с ним. Повисшее в венецианском воздухе искусственное затишье обостряло простое и человеческое.

Словно что-то почувствовав, а может, просто выздоровев, Глеб стал писать, интересоваться ее настроением и учебой. Теперь Ната отвечала односложно, уклончиво, не готовая раскрыться или прекратить переписку. Да и что за причина: я молчу с другим, с тем, кого толком не знаю. Дотторе Песте, возникший из завесы дождя, не дал ей утонуть. «Как, интересно, повел бы себя Глеб?» – думала Ната, разглядывая Александра в профиль.

---

¹ Принадлежит компании Мета, которая признана в РФ экстремистской и запрещена.

Часть его щеки, с небольшим аккуратным ухом и прозрачной мочкой, напоминала ей отца.

В День всех влюбленных, 14 февраля, они, не договариваясь, протянули руку к одной и той же книжке в знаменитом магазине *Lidreria Acqua Alta*. Это был необычный путеводитель Тициано Скарпа «Венеция – это рыба» на английском, который каждый захотел купить другому в подарок. Они одновременно взялись за мягкую обложку, собираясь пойти на кассу, но многочисленные посетители магазина, невольно пихающие сзади и сбоку стоящих у полок, толкнули их друг на друга. Ната всем телом вписалась в Александра, идеально встроившись в его габариты. Защищая ее от толчков, он заключил ее в кольцо рук. Кровь ударила в голову: сегодня.

Александр заплатил за книжку, Ната купила старинную открытку с заснеженной Венецией. Они молча обменялись подарками, не подписав их, о чем Ната потом жалела. Потоптавшись в уникальном книжном, утопающем в грудах своего товара, они заглянули через специальный пожарный выход на канал *Rio della Tetta*, оценили юмор и книжную вместимость гондолы, установленной в центре зала, и вышли в крошечный дворик – излюбленное место для фотографий. Желающие могли вскарабкаться прямо на стопки – высотой в человеческий рост – старых, некогда подмокших при затоплении книг, с волнистыми распухшими страницами и попозировать.

Александр фотографироваться не захотел, а Ната охотно залезла по книгам, как по ступенькам, на самый верх, и смущенно улыбнулась Дотторе Песте. Он успел один раз нажать на кнопку, как расшалившиеся дети, не уступив друг другу дорогу, пошатнули непрочные бумажные ступени, и Ната полетела вниз. Александр успел ее поймать и буквально вынес из магазина, подпираемый плотным потоком туристов. Несколько котов, картинно восседающих на полках, жалобно мяукали, попав хвостами или лапами между людьми.

Было восемь вечера. Церковь *Santa Maria Formosa* рассыпала по округе колокольный звон. Александр, держащий за руку Нату, уверенно шел по незнакомому и отдаленному от *Domus* району *Castello*, как будто бы торопясь. По крайней мере, это было не похоже на их обычную прогулку. Любопытная Ната не следила за меняющимися видами, словно вмиг отупела. Оказавшись под глубокой аркой какого-то нежилого дома в нише, Александр, молча добравшись до своей и ее кожи, намертво вцепился в нее – и «заговорил». Где-то внизу ритмично и нежно плескалась и билась о ступени вода.

Потом, подойдя к каналу, они сидели на невысоком парапете и глядели на его бутылочную, непроницаемую поверхность.

– Когда ты удивляешься, ты поднимаешь брови,
как мама. А мамы давно нет.

6

Ната так и не купила венецианскую маску. С понедельника учеба возобновилась онлайн. Это было непривычно, сложно. Она больше уставала, терялась, когда ее спрашивали преподаватели, не все слышала, не все понимала, забывала включить то звук, то видео. И мечтала, что занятия закончатся и она встретится с Александром. Он был молчалив, спокоен, но в узких переулках и потайных местах уже не касался губами ее виска – боялся потерять контроль, как и она. Но их молчание оставалось особенным, глубоким.

Еще одну неделю они встречались вечером, после ужина, а иногда и дважды – днем тоже. Нате хотелось расспросить его о семье, об учебе, о городе, где он вырос. Но они встречались, и молчание опаляло их, замыкая внутри вопросы. И они бродили, разглядывали, замирали, словно напивались, опьянялись увиденным впрок, с каждым днем трудней расставаясь, все дольше и дольше задерживаясь друг с другом.

В один из вечеров по скайпу позвонил Глеб и без всяких предисловий заявил, что Ната *какая-то другая – что случилось?* У Наты лихорадочно блестели глаза, подсвечивая новым внутренним светом тонкий пушок щек, припухлые губы. Она по-прежнему не знала, что сказать, как объяснить тайный сговор с безмолвным Дотторе Песте. Ей казалось, реальность Венеции – уже маска, но в этой декорации пробудилась, проклюнулась настоящая она. Человек, находящийся в Москве, не способен почувствовать это.

Может, поэтому она так и не смогла выбрать маску. Перебрав, перешунав, перемерив все: сложные папье-маше с перьями, вышивкой и кружевами, пластмассовые с росписью дешевым акрилом и клееными стразами, закрывающие лицо или только глаза, с вуалью, бубенцами и лентами – разнообразие масок было неисчислимым. Но маска под маской – уже перебор, и Александр тоже не надевал свой лакированный клюв. Ей казалось, маска не просто прячет, а обезличивает, сливает с толпой. В этом нет ничего живого: нарядиться мертвецом жаждет только безумец.

Венецианский карнавал прекратили досрочно. В конце недели везде писали и говорили только об этом. Центральная карнавальная тема: «Игра, любовь и безумие» глюкнула и зависла. С сайта *DallaZeta*: «Обновление 23 февраля 2020 года: из-за текущей ситуации с коронавирусом в Италии Карнавал в Венеции был приостановлен. Следовательно, 24 и 25 февраля запрограммированных празднеств и шествий не будет». За бортом остались «Полет орла» и «Полет льва» с колокольни *San Marco*, кулачные бои семейств Николотти и Кастеллани, финал конкурса на самую красивую венецианскую маску.

22 февраля, в соседней Падуе, от ковида скончался семидесятивосьмилетний мужчина. Произошли новые случаи заражения в Ломбардии и Венето. 23 февраля число зараженных в Италии превысило сто человек, за несколько дней число инфицированных увеличилось с четырех до ста тридцати восьми, двое погибли. Италия заняла первое место по числу заболевших в Европе.

7

– Вот, подпиши здесь, это пропуск, по которому можно выходить в город. Для этого должна быть причина, а расстояние от *Domus* должно составлять не более пятисот метров. Штраф – двести шесть евро.

«Если без оплаты жилья, с готовой едой, как у них, – на эти деньги можно прожить месяц», – подумала Ната. Она, уже час стоящая в очереди в конторке менеджера на втором этаже, наконец получила и заполнила документ, так называемый сертификат личной ответственности – обычный лист А4, куда вписала свои паспортные данные и место проживания в Венеции, обязуясь выходить только в случае необходимости. Аптека, магазин, выгул собаки, спортивная пробежка. Внизу листа оставалось место для подписи полиции. Если патруль сочтет цель перемещения не убедительной – доставай кошелек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.